

АНДРЕЙ ЛЕСНОЙ

АБОНЕНТ НЕДОСТУПЕН

РЕЙС 318 03:19

Андрей Лесной

Абонент недоступен

<https://litres.ru/74640277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать лет Вера платит за номер мужа, пропавшего вместе с самолётом над океаном. Поиски официально закончены. В ту же ночь, в 03:19 — в минуту последнего сигнала самолёта, — ей звонят с его номера. В трубке шумит море, и мужской голос поёт колыбельную, которую знали только двое. Мистический детектив по мотивам реальных событий: о людях, которые ждут, и о тех, кто знал ответ — и молчал.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	15
Глава вторая	23
Глава третья	32
Глава четвёртая	41
Глава пятая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Лесной

Абонент недоступен

Андрей Лесной

АБОНЕНТ

НЕДОСТУПЕН

роман

По мотивам реальных событий

Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте позвонить позднее.

Автоответчик оператора

Содержание

Пролог

Часть первая

Глава первая. Двенадцать лет

Глава вторая. Тишина в трубке

Глава третья. Глеб

Глава четвёртая. Семьи

Глава пятая. Очень вежливые люди

Глава шестая. Черновик

Часть вторая

Глава седьмая. Куала-Лумпур

Глава восьмая. Ян

Глава девятая. Фримантл

Глава десятая. Сейф

Глава одиннадцатая. Цена молчания

Глава двенадцатая. Живой голос

Часть третья

Глава тринадцатая. Исповедь

Глава четырнадцатая. Ночь в Джорджтауне

Глава пятнадцатая. Рыбка

Глава шестнадцатая. Восемь девятнадцать

Глава семнадцатая. Огласка

Глава восемнадцатая. Дно

Глава девятнадцатая. Абонент недоступен

Эпилог

Послесловие автора

Пролог

Куала-Лумпур, 8 марта 2014 года, 00:31

В международном аэропорту Куала-Лумпура ночью пахнет кофе, кондиционером и чужой усталостью. Илья Ланской сидел у выхода С1 на жёстком пластиковом кресле, поставив рюкзак между ногами, и смотрел через стекло на самолёт, который через десять минут должен был увезти его в Пекин.

Самолёт стоял под прожекторами, огромный и спокойный, как кит, которого вытащили на берег и забыли. Белый фюзеляж, синяя полоса, красный цветок гибискуса на хвосте — эмблема «Ориент Пасифик». На носу, под окнами кабины, мелкими буквами: 9М-ОРК.

Илья знал этот борт лучше, чем собственную квартиру в Москве. Знал, какая панель в потолке за кабиной открывается туго, а какая — с полпинка. Знал, что в отсеке над задней дверью, где стоит блок спутниковой связи, вечно пахнет горячей пылью. Он провёл в этом отсеке три ночи в конце февраля, лёжа на спине с фонариком в зубах, и на третью ночь нашёл там то, чего там быть не могло.

Он погладил рюкзак ногой. Внутри, между ноутбуком и пакетом с подарками, лежал анализатор спектра размером с толстую книгу. Обычный рабочий прибор. Охрана на досмотре даже не спросила, что это. Инженер — он и есть ин-

женер.

Было тридцать одна минута первого. В Москве — половина восьмого вечера, ещё седьмое марта.

Он достал телефон и набрал Веру.

* * *

Она ответила после первого гудка, как будто держала телефон в руке.

— Ты где?

— У выхода. Вижу свою птичку. Белая, красивая, с цветочком на хвосте. Почти как ты.

— У меня нет цветочка на хвосте.

— Это ты так думаешь.

Она засмеялась. Он закрыл глаза, чтобы лучше её слышать. Там, в Москве, у неё на кухне наверняка горела одна лампа над плитой — она никогда не включала верхний свет, говорила, что он «как в поликлинике». Наверняка шумел чайник. Наверняка она стояла у окна, на Стромынке шёл мокрый снег, а внизу трамвай поворачивал к Сокольникам и скрипел так, что было слышно на седьмом этаже.

— Слушай, — сказал он. — А у меня уже восьмое.

— Что?

— У меня уже восьмое марта. У тебя ещё нет, а у меня — уже. Так что я первый. Поздравляю тебя с Международным женским днём, Вера Сергеевна. Желаю тебе мира во всём мире и мужа, который наконец-то вернётся домой.

— Когда?

— Через две недели. Я же говорил. Пекин, два дня встреч, потом сюда, сдать дела — и всё. Двадцать второго буду в Шереметьеве. С цветами. С гибискусом.

— Он же завянет.

— Значит, с мимозой. Куплю у бабушки на выходе из аэроэкспресса. Как все нормальные люди.

Она помолчала. Он знал это её молчание: сейчас будет вопрос, на который он не хотел отвечать.

— Илюш. А зачем тебе в Пекин? Ты же говорил, что Пекин — это Ян.

— Ян не может. — Илья открыл глаза и посмотрел на самолёт. — И вообще. Надо кое-что проверить. Рабочее.

— На самолёте?

— На самолёте.

— Ты что-то нашёл.

Это был не вопрос. Вера переводила с китайского девятый год и умела слышать то, что люди не говорят. Иногда ему казалось, что она слышит, даже когда он просто думает.

— Нашёл, — сказал он. — Ерунду. Железку. Наверное, ничего страшного. Просто она не наша, и я хочу понять, чья. Прилечу — расскажу. Честно.

— Ты всегда так говоришь.

— Я всегда так и делаю.

Это была правда, и она это знала. Он всегда рассказывал. Потом, когда всё уже было позади, когда страшное становилось смешным: как застрял в лифте в Тяньцзине, как у него

в Джакарте украли паспорт, как в Омске, в двадцать лет, он провалился под лёд на Иртыше и выбрался сам, а потом шёл домой два километра в ледяной куртке и пел, чтобы не замёрзнуть. Он всегда рассказывал потом. Это было их правило.

По громкой связи объявили посадку — сначала по-малайски, потом по-английски, потом по-китайски. Люди вокруг зашевелились, стали подниматься, доставать посадочные. Пожилая китайская пара напротив — он в клетчатой кепке, она в розовом пуховом жилете — бережно, как ребёнок, подняла большую коробку с нарисованной на ней рисоваркой.

— Слышишь? Зовут.

— Слышу.

— Вер.

— Что?

Он хотел сказать что-нибудь лёгкое. Про мимозу, про снег, про то, что в Пекине сейчас минус два и смог, и он там непременно простудится и будет жаловаться ей по скайпу хриплым голосом. Вместо этого сказал:

— Если что — номер не отдавай.

— Какой номер?

— Мой. Телефонный. Если вдруг что — не отдавай его. Плати за него. Ладно?

Она засмеялась — не сразу, через секунду, и в этой секунде была пустота, которую он потом, наверное, вспомнил бы,

если бы ему было суждено что-нибудь вспоминать.

— Ты дурак, Ланской. Что значит «если что»?

— Ничего не значит. Шучу. Это я так. Номер красивый, восемь девятьсот шестнадцать, три семёрки в середине. Жалко будет, если его кому-нибудь отдадут. Какому-нибудь таксисту.

— Ты дурак, — повторила она, уже мягче.

— Знаю. Спи, моя рыбка.

И он тихонько, вполголоса, прямо в трубку, не обращая внимания на людей вокруг, запел. Это была бабушкина колыбельная — бабушка пела её ему в Омске, когда он был маленький, а потом он пел её Вере, когда она болела, когда не могла заснуть, когда у неё умер отец. Колыбельную никто, кроме бабушки, не знал. Бабушка, кажется, сама её и придумала.

Спи, моя рыбка, вода глубока,

Ночь над водою, как мама, легка.

Где-то у дна, где не видно ни зги,

Светится камушек — ты береги...

Он допел до конца куплета, и она не перебивала. Потом сказала тихо:

— Позвони, как прилетишь.

— Позвоню.

— Сразу.

— Сразу. В Пекине будет шесть тридцать утра, у тебя — час тридцать ночи. Разбужу.

— Буди.

— Целую.

— Целую.

Он нажал отбой, посмотрел на экран — «Вера, 6 мин. 12 сек.» — и убрал телефон в нагрудный карман рубашки, туда, где лежал посадочный: место 32К, у окна, справа, в хвостовой части. Ближе к отсеку над задней дверью.

* * *

В очереди на посадку перед ним стоял молодой китаец — студент, наверное, в толстовке с капюшоном и с наушниками на шее. Он говорил по телефону быстро и весело, и Илья, который за три года в Малайзии выучил по-китайски ровно столько, чтобы заказать лапшу и извиниться, разобрал только «мама» и «завтра». Парень смеялся. Потом он убрал телефон, оглянулся, поймал взгляд Ильи и почему-то кивнул — так кивают незнакомцы, которые понимают, что им предстоит провести вместе шесть часов в одной металлической трубе.

Илья кивнул в ответ.

У двери самолёта стояла бортпроводница — высокая, светловолосая, явно не малайка, с английским акцентом, который Илья не сразу определил, а потом понял: австралийский. На её бейджике было написано «Sarah». Она улыбалась каждому пассажиру одинаковой профессиональной улыбкой, но когда Илья протянул посадочный, она вдруг посмотрела ему в лицо внимательнее, чем нужно, — будто хо-

тела что-то спросить. Не спросила.

— Тридцать два К. Добро пожаловать на борт, сэр. Приятного полёта.

— Спасибо.

Он прошёл по проходу, мимо бизнес-класса, мимо рядов, где люди уже устраивались, укладывали сумки, стягивали обувь, надували подушки для шеи. Пахло освежителем и чьими-то мандаринами. Ребёнок где-то впереди начинал плакать — так, вполсилы, на пробу.

Он сел у окна. Поставил рюкзак под переднее кресло — не в багажную полку, а именно под кресло, чтобы был под рукой. Расстегнул верхний карман, проверил прибор. Включать рано. Включать надо будет над морем, на высоте, когда штатная аппаратура начнёт свою обычную работу, — и посмотреть, кто ещё в эфире. Кто сидит на его антенне. Кто разговаривает со спутником каждые пятнадцать минут голосом, которого не должно быть.

Он посмотрел в иллюминатор. За стеклом, у соседней стоянки, грузчики в оранжевых жилетах закрывали грузовой люк какого-то другого самолёта. Ночь была тёплая, влажная, тропическая, в свете прожекторов летала мошкара.

Через восемь часов в Москве будет утро восьмого марта. Вера проснётся, не дождавшись звонка, потому что он не позвонит из Пекина в половине второго ночи — он же не идиот, он позвонит в шесть, когда у неё будет утро. Она заварит чай. Она откроет окно, хотя холодно, — она всегда открыва-

ет окно утром. Она подумает, что он дурак. Он и есть дурак. Самолёт дрогнул и покатился.

* * *

В 00:42 рейс ОР318 авиакомпании «Ориент Пасифик» оторвался от взлётной полосы 32R и начал набирать высоту, разворачиваясь на северо-восток, к Южно-Китайскому морю. На борту было двести четырнадцать пассажиров из четырнадцати стран и двенадцать членов экипажа.

В 01:21 второй пилот, прощаясь с диспетчером Куала-Лумпура перед передачей рейса вьетнамским диспетчерам, произнёс: «Доброй ночи, Ориент три-один-восемь». Это были последние слова, которые кто-либо услышал с этого борта.

Через минуту ответчик самолёта замолчал. На экранах гражданских радаров рейс ОР318 просто исчез — как исчезает с экрана телефона уведомление, которое ты не успел прочитать.

Военный радар ещё какое-то время видел неопознанную отметку, которая развернулась и пошла на запад — через полуостров, над Малаккским проливом, в сторону Андаманского моря. Потом пропала и она.

Но был ещё один слушатель. На высоте тридцати шести тысяч километров над экватором, над Индийским океаном, висел спутник связи. Раз в час, по расписанию, наземная станция спрашивала через него у самолёта: «Ты здесь?» И бортовой терминал — тот самый, в отсеке над задней две-

рю, который Илья знал на ощупь, — отвечал коротким автоматическим сигналом: «Я здесь». Ни координат, ни скорости, ни высоты. Просто: я здесь. Я ещё есть.

Инженеры называют это «рукопожатием».

Самолёт отвечал на рукопожатия ещё почти семь часов. Он летел куда-то, где не было ни радаров, ни кораблей, ни островов, над чёрной водой, под звёздами южного полушария, и раз в час говорил спутнику: я здесь.

В 08:19 по времени Куала-Лумпура — в Москве было 03:19, Вера спала, телефон лежал на тумбочке экраном вниз — спутник принял ещё один сигнал. Не ответ — запрос. Бортовой терминал сам, без вопроса, попытался заново войти в сеть, как входит в сеть телефон, который перезагрузили. Запрос оборвался на середине.

«Я здесь».

Больше его никто не слышал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гудки

Глава первая

Двенадцать лет

Москва, 8 марта 2026 года

Каждый месяц, восьмого числа, Вера Ланская платила за номер, по которому никто не звонил.

Это занимало две минуты. Приложение банка, раздел «Связь», сохранённый шаблон с названием «Илья». Триста сорок рублей — тариф подорожал за двенадцать лет почти втрое, сначала был сто девяносто. Кнопка «Оплатить». Зелёная галочка. Сообщение от оператора: «Баланс номера +7 916 ** 77 7 пополнен. Спасибо, что вы с нами».

Спасибо, что вы с нами.

Первые два года она плакала каждый раз, когда приходило это сообщение. Потом перестала плакать и начала злиться — на оператора, на бессмысленную вежливость робота, на себя. Потом перестала злиться. Теперь это было просто так же, как почистить зубы. Восьмое число — заплатить за Илью. Ничего особенного.

Только восьмое марта было особенным. Восьмое марта она не любила, как не любят день рождения люди, у которых в этот день кто-то умер. Хотя никто не умер. Официально — никто. Официально двести двадцать шесть человек «пропали без вести, предположительно погибли», и это «предположительно» висело над ней двенадцать лет, как гвоздь, на

котором ничего нет.

В этот раз она заплатила утром, сидя на кухне, ещё в халате. Положила телефон на стол экраном вниз. Включила чайник. Открыла окно — в кухню вошёл сырой мартовский воздух, пахнувший талым снегом и бензином, и внизу, на Стромынке, проскрежетал трамвай, поворачивая к Сокольникам. Тот же трамвай, что и двенадцать лет назад. Может, даже тот же вагон. Трамваи живут долго.

Вера посмотрела на своё отражение в тёмном стекле духовки. Тридцать восемь лет. Короткие тёмные волосы — она коротко остриглась в апреле четырнадцатого, сама, кухонными ножницами, в ванной, ночью, и с тех пор так и ходила. Подруги говорили, что ей идёт. Ей было всё равно.

Чайник щёлкнул.

* * *

Телефон зазвонил, когда она наливала кипятка. Она вздрогнула так, что пролила на стол, и выругалась — по-китайски, как ругалась всегда, когда никто не слышал, это было удобно: китайские ругательства звучали для неё не так грубо, как русские.

Звонила Таня.

— С праздником, Верунчик. Не спишь? Я знаю, что ты не любишь, но я всё равно. Как ты?

— Нормально.

— Новости видела?

— Какие?

Таня помолчала. Таня была единственным человеком, который за двенадцать лет научился говорить с ней об Илье не шёпотом и не с придыханием, а нормально, как о человеке, который был. За это Вера её любила.

— Про поиск. Ну, про последнюю экспедицию. В «Ленте» написали утром. Они там всё, свернулись. Официально объявили, что ничего не нашли.

— А, — сказала Вера. — Это.

— Ты знала?

— Знала, что заканчивают. В январе корабль ушёл из района. Я думала, они ещё что-то будут смотреть, данные там, записи. Ну вот. Посмотрели.

— Вер...

— Всё нормально, Тань. Правда. Я двенадцать лет знаю, что они ничего не найдут. Это как прогноз погоды на прошлый год.

— Хочешь, я приеду? У меня вино есть. И торт. Дурацкий, с кремовыми розочками, Лёшка вчера притащил.

— Не надо. Я работаю. У меня договор горит, сорок страниц про поставки удобрений.

— Восьмого марта?

— Китайцы не празднуют восьмое марта. То есть празднуют, но не так. Им всё равно. Им нужны удобрения.

Таня засмеялась. Они поговорили ещё минут пять — про Лёшку, про Танину дочь, которая поступала в Вышку, про погоду. Потом Вера положила трубку и открыла ноутбук.

Сорок страниц про удобрения. Калийные соли, фосфаты, логистика через Забайкальск. Она переводила это механически, почти не думая, как вяжут на спицах женщины в электричке, — пальцы делают, голова свободна. Голова была свободна, и в неё, как вода в трюм, медленно и неотвратно набиралось то, о чём она не хотела думать.

Последняя экспедиция.

Она открыла новость, хотя обещала себе не открывать. Короткая заметка, сто слов. Частная компания, которая работала по контракту «нет находки — нет оплаты», завершила очередной этап поиска в южной части Индийского океана. Обследовано столько-то тысяч квадратных километров морского дна. Признаков самолёта не обнаружено. Правительство благодарит. Семьи пассажиров выражают разочарование. Фотография: оранжевый подводный аппарат на палубе корабля, похожий на игрушечную торпеду. Подпись: «Аппарат возвращается после погружения».

Под заметкой было сорок два комментария. Вера знала, что там. Она никогда их не читала, но знала. «Американцы сбили». «Пилот-самоубийца». «Инопланетяне». «Их всех держат на секретной базе». «А вы знаете, что на борту было двадцать инженеров, которые...» «Всё давно известно, просто нам не говорят».

Она закрыла вкладку.

* * *

В две тысячи четырнадцатом, в первые дни, она звонила

ему каждые десять минут.

Это она помнила лучше всего. Не новости, не пресс-конференции, не лица официальных людей с одинаковыми галстуками, которые говорили одно и то же: «Мы делаем всё возможное». Она помнила гудки.

Утром восьмого марта он не позвонил. В шесть, в семь, в восемь. В девять она позвонила сама и услышала: «Абонент временно недоступен». Она подумала: разрядился. Подумала: в Пекине забыл зарядку, он вечно её забывает. В десять позвонила Таня и спросила странным голосом: «Вер, а Илья каким рейсом летел?»

А днём, когда уже всё было по телевизору, когда уже на всех каналах показывали карту Южно-Китайского моря и красную точку, где оборвался сигнал, — днём она набрала его номер в сотый раз и вместо «абонент недоступен» услышала гудки.

Обычные длинные гудки. Как будто телефон где-то есть. Как будто он лежит в кармане рубашки, рядом с посадочным, и звонит, и звонит, а Илья почему-то не может ответить — у него заняты руки, он лежит на спине в каком-то отсеке с фонариком в зубах и не может ответить, но сейчас, сейчас вылезет и ответит.

Гудки шли три дня.

Потом она узнала, что так было не только у неё. Что другие семьи — китайские, малайзийские, австралийские — тоже звонили и тоже слышали гудки. Что в Пекине, в гостини-

це, куда авиакомпания свезла родственников, люди сидели в конференц-зале с телефонами и звонили, звонили, звонили и показывали друг другу экраны: «Идёт вызов! Идёт!» Что какие-то родственники подписали коллективное письмо: телефоны наших близких звонят, значит, они живы, значит, их где-то держат, найдите их.

Потом специалисты объяснили по телевизору, что это ничего не значит. Что гудки в трубке звонящего генерирует оператор звонящего, пока ищет вызываемого абонента, — это просто звуковой сигнал, «чтобы вам не было скучно ждать». Что гудки не означают, что телефон включён. Что это технический эффект, известный, описанный, ничего не доказывающий.

Вера тогда поверила специалистам. Илья и сам объяснил бы ей так же — он был инженер, он всегда объяснял всё так, что чудес не оставалось. Но гудки она запомнила. И когда на четвёртый день вместо гудков снова пришло «абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети», ей показалось, что кто-то тихо закрыл дверь.

* * *

К вечеру она перевела двадцать шесть страниц и поняла, что больше не может. Закрыла ноутбук. Сделала бутерброд с сыром и не съела. Посмотрела сериал — английский, про сельского врача, где ничего не происходило, — и не запомнила ни одной сцены.

Раз в год, восьмого марта, Вера выкуривала одну сигаре-

ту. Это тоже был ритуал, глупый и необъяснимый, как всё, что она делала восьмого марта. Илья курил. Бросал, начинал, снова бросал. В шкафчике над раковиной у неё уже двенадцать лет лежала его последняя пачка — «Мальборо», красная, в которой оставалось семь сигарет. Двенадцать лет — двенадцать сигарет. Не сходилось: в пачке было семь, а лет — двенадцать. Значит, в какой-то момент она купила новую. Она не помнила когда. Наверное, году в восемнадцатом. Пачка в шкафчике была уже не его. Его пачка кончилась, а она и не заметила.

Она вышла на балкон, закурила, закашлялась. Внизу горели фонари, по Стромынке шли машины, у метро «Преображенская площадь» мигала вывеска цветочного ларька, возле которого весь день толпились мужчины с мимозой и тюльпанами в целлофане.

Мимоза. «Куплю у бабушки на выходе из аэроэкспресса. Как все нормальные люди».

Она затушила сигарету о перила, вернулась на кухню и долго мыла руки, потому что ненавидела запах табака на пальцах.

Спать она легла в первом часу. Долго не могла заснуть — лежала на спине, смотрела на потолок, по которому иногда проползали длинные полосы света от машин. Потом всё-таки заснула — провалилась, как в колодец, без снов.

* * *

Телефон зазвонил в темноте.

Она не сразу поняла, что это телефон. Ей показалось, что это трамвай, — тот же длинный, дребезжащий звук. Потом поняла. Нашарила на тумбочке, перевернула. Экран ударил в глаза белым светом.

03:19.

И над временем, крупно, тем шрифтом, которым телефон пишет имена тех, кто есть в записной книжке:

Илья

Она смотрела на экран, и экран смотрел на неё. Телефон звонил. Вибрировал в ладони, как живой. Фотография, привязанная к контакту, — Илья на набережной в Сочи, в две тысячи двенадцатом, щурится от солнца, борода рыжая на просвет, — фотография светилась, и под ней две кнопки: зелёная и красная.

Вера не дышала.

Это ошибка, подумала она. Это сбой. Это оператор, это какой-то робот, это — что? Она двенадцать лет платит за номер. Может быть, в счёт оплаты что-то сломалось. Может быть, номер кому-то отдали. Может быть...

Телефон звонил. Четвёртый гудок. Пятый.

Она нажала зелёную кнопку.

Глава вторая

Тишина в трубке

— Алло, — сказала она.

Голос не послушался. Вышло сипло, едва слышно, как будто говорила не она, а кто-то за стенкой.

— Алло. Илья?

В трубке был шум.

Не тот шум, который бывает при плохой связи, — не треск, не хрип, не обрывки чужих разговоров. Ровный, глубокий, мерный звук, который накатывал и откатывал, накачивал и откатывал. Вера не сразу поняла, что это. Потом поняла, и по спине, от затылка вниз, прошёл холод.

Это было море.

Не прибой — прибой шумит иначе, с шорохом гальки, с шипением пены. Это было открытое море, большая вода, которая дышит сама по себе, без берега. Так шумит в раковине, если приложить её к уху. Так шумело у неё в ушах в детстве, когда она ныряла в Анапе и долго не всплывала.

— Илья, — сказала она. — Это ты? Илья, скажи что-нибудь.

Море дышало.

— Кто это? — Голос наконец прорезался, стал громким, почти крик. — Кто это звонит? Это не смешно. Слышите? Это не смешно!

Ничего. Вдох — выдох. Накат — откат.

Ей показалось, что где-то в глубине этого шума, совсем далеко, на самом дне, есть что-то ещё. Какой-то звук, похожий на голос, или на музыку, или на скрип. Она прижала телефон к уху так сильно, что стало больно, и затаила дыхание.

Щелчок.

Тишина. Не шум моря — настоящая, глухая, электронная тишина. Она отняла телефон от уха. Экран показывал: «Вызов завершён. Илья. 00:47».

Сорок семь секунд.

* * *

Она перезвонила сразу. Пальцы тряслись и попадали не туда, она дважды открывала не тот контакт, потом всё-таки нажала.

Пауза. Щелчок. Женский голос, равнодушный, как дождь: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте позвонить позднее».

Она позвонила ещё раз. И ещё. На пятый раз голос сказал то же самое, и она положила телефон на одеяло и сидела, обхватив колени, в темноте, пока за окном не начало сереть.

Она не плакала. Это было странно, она сама удивлялась: двенадцать лет она плакала от любой ерунды — от песни в такси, от собаки, похожей на их собаку, которой у них никогда не было, но которую они собирались завести. А сейчас — ничего. Сухо. Только холод в спине и мысль, которая крутилась по кругу, как пластинка, которую заело:

Кто-то звонил с его номера. Кто-то звонил с его номера.
Кто-то звонил с его номера.

* * *

В половине девятого она стояла у дверей салона связи на Преображенской площади. Салон открывался в девять. Рядом курил охранник и смотрел на неё с сочувствием, с каким смотрят на людей, пришедших к открытию в ломбард.

Девушку за стойкой звали Алина — так было написано на бейджике. Ей было лет двадцать, у неё были длинные ногти цвета мокрого асфальта и терпеливое лицо человека, который каждый день объясняет пенсионерам, как перевести деньги внуку.

— Слушаю вас.

— У меня вопрос по номеру. — Вера протянула паспорт. — Номер оформлен на меня. Им пользуется... пользовался мой муж. Мне нужно знать, с него звонили этой ночью или нет.

Алина взяла паспорт, вбила данные, посмотрела в монитор.

— Какой номер?

Вера продиктовала. Алина вбила. Посмотрела. Нахмурилась. Посмотрела ещё раз.

— Номер активен, баланс положительный. Тариф архивный, «Свободный», его давно не подключают. Сим-карта... — Она замолчала, прокрутила что-то колёсиком мыши. — Сим-карта последний раз регистрировалась в сети... ой.

— Что?

— Последняя регистрация в сети — восьмое марта две тысячи четырнадцатого года. В роуминге. — Алина подняла глаза. — Двенадцать лет назад.

— Я знаю, — сказала Вера.

— То есть этой карты... её нет. Ну, то есть она есть, но её никто никуда не вставлял двенадцать лет. С неё не могли звонить.

— А мне позвонили.

Алина посмотрела на неё — уже не с терпением, а с осторожностью. Так смотрят на людей, которые в салоне связи рассказывают о голосах.

— Может быть, вы ошиблись? Может, кто-то другой звонил, а у вас в контактах номер похожий?

Вера молча показала экран. Журнал вызовов. «Илья. Входящий. 03:19. 47 сек».

Алина долго смотрела на экран. Потом снова на свой монитор.

— У меня по этому номеру исходящих вызовов нет, — сказала она наконец, тихо, как будто извиняясь. — Вообще. Никаких. С две тысячи четырнадцатого года. Если бы с этой симки звонили, я бы видела. Я не вижу.

— Тогда как?

— Я не знаю. — Алина развела руками с мокрыми асфальтовыми ногтями. — Честно, не знаю. Может, это... ну, бывает, мошенники подставляют номер. Есть такие програм-

мы. Звонят, а у вас высвечивается номер банка. Или вашего родственника. Но они же что-то просят обычно. Денег там, код из смс. Вам что-то говорили?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Совсем ничего, — сказала Вера. — Только море.

Алина ничего не ответила. Она вернула паспорт, сказала, что может «оставить обращение», что обращение рассмотрят «в течение тридцати дней», и посмотрела Вере вслед так, как смотрят вслед человеку, о котором потом будут рассказывать подругам.

* * *

В Коломну она поехала в тот же день. Сама не знала зачем. Просто села на электричку на Казанском вокзале, хотя собиралась домой, хотя её ждали четырнадцать страниц удобрений.

Нина Петровна жила в старом двухэтажном доме недалеко от Кремля, в квартире, где Илья вырос с девяти лет, когда они переехали из Омска. Она открыла дверь, не спрашивая кто, — она никогда не спрашивала. Маленькая, сухая, прямая, с аккуратно уложенными седыми волосами и в серой вязаной кофте, которую Вера помнила ещё с их свадьбы.

— Верочка. — Свекровь не удивилась. Она никогда ничему не удивлялась. — Заходи. Я как раз пирог поставила. С капустой.

В квартире пахло пирогом, лекарствами и старыми книга-

ми. На стене в коридоре висели фотографии — Илья в первом классе, Илья с аттестатом, Илья в Бауманке, Илья и Вера в загсе на Бутырской, Илья в оранжевой каске на крыше какого-то здания в Куала-Лумпуре, с антенной за спиной. Чёрной ленты не было ни на одной. Нина Петровна не повесила её ни через год, ни через пять, ни через десять. «Пропал без вести» — значит, пропал. Значит, где-то есть.

На кухне, на холодильнике, на магните в виде матрёшки, висела карта Индийского океана, вырезанная из какого-то журнала. На карте карандашом были нарисованы дуги и крестики. Вера знала, что Нина Петровна следит за всеми новостями о поисках. Что она переписывается с какими-то людьми на форумах. Что у неё есть теория, которую она никому не рассказывает.

— Видела новость? — спросила Вера, садясь за стол.

— Видела. — Нина Петровна достала из духовки пирог, накрыла полотенцем. — Не нашли. Ну и правильно, что не нашли. Не там искали.

— А где надо?

Свекровь посмотрела на неё поверх очков.

— А ты разве веришь?

— Во что?

— В то, что он где-то есть.

Вера помолчала.

— Я не знаю, во что я верю, Нина Петровна.

— А я знаю. — Свекровь разрежала пирог, положила ку-

сок на тарелку, подвинула к ней. — Ешь. Ты худая, как шнурок. Я знаю, что он живой. Двенадцать лет знаю. Мне так сердце говорит. Ты скажешь, старуха выжила из ума. Пусть. А он мне снится. Вот вчера снился. Стоит где-то на берегу, в воде по колено, и машет. И зовёт, а я не слышу, что зовёт. Вода шумит.

Вера уронила вилку.

Вилка звякнула о тарелку, упала на пол. Нина Петровна посмотрела на неё внимательно, по-учительски — она сорок лет преподавала математику в коломенской школе и умела смотреть так, что признавались даже самые упрямые двоечники.

— Что с тобой?

— Ничего. — Вера нагнулась за вилкой. — Не выпалась. Работы много.

— Врёшь, — спокойно сказала свекровь. — Ну, не хочешь — не говори.

Вера не сказала. Она съела пирог, выпила две чашки чая, послушала про соседку, у которой сын сидит, про давление, про цены на лекарства. Она смотрела на карту на холодильнике, на карандашные дуги, на крестики. И не могла сказать: «Мне этой ночью позвонил ваш сын». Не могла, потому что знала, что будет. Нина Петровна поверит. Сразу и до конца. И если окажется, что это был мошенник, или сбой, или чья-то злая шутка, — это убьёт её вернее, чем двенадцать лет неизвестности.

На пороге свекровь вдруг взяла её за руку. Рука была сухая, лёгкая и очень крепкая.

— Верочка. Если он позовёт — ты иди. Слышишь? Не бойся. Иди.

* * *

Следующей ночью звонка не было.

Она не спала до четырёх. Лежала с телефоном в руке, смотрела, как меняются цифры: 03:17, 03:18, 03:19. 03:20. Ничего. Телефон молчал. В 03:25 она поняла, что почти разочарована, и разозлилась на себя так, что встала, выпила валерьянки и всё-таки заснула.

Третьей ночью она легла рано, в одиннадцать, — специально, чтобы не ждать. Поставила телефон на беззвучный режим. Потом встала и выключила беззвучный. Потом снова легла.

Звонок разбудил её в 03:19.

«Илья».

На этот раз она ответила сразу, на втором гудке, и не сказала ни слова. Просто слушала.

Море. Тот же мерный, глубокий шум, накат и откат. Она закрыла глаза и слушала, стараясь не дышать, и через полминуты снова услышала то, что ей показалось в первый раз, — что-то на самом дне шума. Тонкое, далёкое, почти неразличимое.

Она прижала трубку к уху.

Это была мелодия. Кто-то напевал — без слов, вполголо-

са, как напевают себе под нос, когда чем-то заняты. Мужской голос, глухой, словно через толщу воды. Пять нот вверх, три вниз, долгая пауза, снова пять вверх.

Вера знала эту мелодию. Её знали на свете три человека. Одна из них двадцать лет лежала на омском кладбище. Второй двенадцать лет лежал неизвестно где.

Третьей была она.

Спи, моя рыбка, вода глубока...

Она не помнила, как выронила телефон. Помнила только, как он ударился об пол, как погас экран, и как в наступившей тишине она услышала свой собственный голос — тонкий, детский, чужой, — который говорил в темноту:

— Илюша. Илюшенька. Где ты?

Глава третья

Глеб

Контора Глеба Савина помещалась в полуподвале старого дома в Мельниковом переулке, между ателье по ремонту одежды и магазином, который назывался «Всё для кальяна». Вывески не было. На двери висела ламинированная бумажка: «Савин и партнёры. Компьютерная экспертиза. Звонить». Звонок не работал.

Вера постучала. Ей открыл высокий худой человек лет сорока пяти с длинным, немного лошадиным лицом и очень светлыми глазами, которые на этом лице казались чужими, будто их одолжили у кого-то другого. Он был в сером свитере с растянутыми рукавами. Он чуть заметно прихрамывал на левую ногу.

— Вы Вера? От Лёши?

— От Тани. Лёша — Танин муж.

— Значит, от Тани. Заходите.

Внутри пахло канифолью, пылью и кофе. Вдоль стен стояли стеллажи с коробками, проводами, разобранными телефонами, жёсткими дисками в антистатических пакетах. На столе громоздились три монитора, паяльная станция и кружка с надписью «Лучшему папе в мире», в которой засохла кофейная гуща. Под столом спал рыжий кот.

— Партнёры — это кот? — спросила Вера.

— Партнёры — это для солидности, — сказал Глеб. — Кот — это кот. Его зовут Байт. Он ничего не делает, но берёт много. Как настоящий партнёр. Садитесь. Кофе будете? Он плохой.

— Буду.

Кофе действительно был плохой. Вера пила его маленькими глотками и рассказывала. Таня по телефону сказала: «Он бывший мент, из этого отдела, который хакеров ловит. Уволился, говорят, со скандалом, но голова у него золотая. Лёшке телефон после развода разблокировал, с которого бывшая всю переписку удалила». Вера не знала, что рассказывать бывшему менту про шум моря в трубке. Поэтому рассказала всё по порядку, как переводила бы деловое письмо: факты, даты, время. Рейс. Двенадцать лет. Номер, за который она платит. Звонок. Сорок семь секунд. Салон связи. Второй звонок. Мелодия.

Про мелодию она сказала коротко, не глядя ему в лицо:

— Колыбельная. Её пел муж. Её никто больше не знал.

Глеб слушал, не перебивая. Не записывал. Не кивал сочувственно. Просто сидел, вытянув больную ногу, и смотрел на неё своими одолженными светлыми глазами, и на его лице ничего не отражалось. Когда она закончила, он помолчал.

— Телефон с собой?

Она протянула. Он взял его аккуратно, двумя пальцами, как берут что-то хрупкое и чужое.

— Можно, я посмотрю? Я ничего не буду читать. Мне

нужны только системные журналы.

— Смотрите.

Он подключил телефон проводом к одному из компьютеров, застучал по клавиатуре. На мониторе побежали строчки. Вера смотрела на кота. Кот спал, подёргивая лапой, — ему что-то снилось.

* * *

— Ну, смотрите, — сказал Глеб через двадцать минут. Он развернул к ней монитор. — Это ваш телефон. Он честный, в нём ничего не установлено, никаких левых программ, никаких шпионских штук. Я проверил. Звонки настоящие — оба. Они пришли из сети оператора как обычные входящие голосовые вызовы. Вот время, вот длительность, вот номер, который вам показали.

— Номер мужа.

— Номер мужа. Который в сети не регистрировался двенадцать лет, — я вам верю, я сейчас позвоню знакомым, проверю, но верю. Значит, звонили не с его сим-карты.

— А с чего?

Глеб потёр переносицу.

— Знаете, что такое подмена номера?

— Девушка в салоне говорила. Мошенники.

— Мошенники, да. Но не только. Это вообще несложно. Звонок через интернет — вы же знаете, есть такие сервисы: звонишь с компьютера на обычный телефон. Когда такой звонок попадает в обычную телефонную сеть, он проходит

через шлюз. И шлюзу можно сказать: «Покажи абоненту вот такой номер». Любой. Банк, полицию, маму. Какой хочешь. Наши операторы сейчас с этим борются, кое-что фильтруют, но если звонок идёт из-за границы через правильную цепочку — проходит. Особенно ночью, особенно если номер не мобильный банк, а обычный частный номер, который никто не защищает.

— То есть кто-то звонит с компьютера и ставит номер мужа.

— Скорее всего, да.

— И ставит в трубку запись моря.

— Скорее всего.

— И запись колыбельной, которую знали три человека.

Глеб не ответил. Он смотрел на неё, и впервые за весь разговор в его лице что-то дрогнуло — не сочувствие, а интерес. Так смотрит охотничья собака, которая услышала в кустах шорох.

— Вот это мне и не нравится, — сказал он. — Мошенник ничего не просил. Мошенник позвонил в три часа ночи и сорок секунд дал вам послушать шум. Это не мошенник. Мошенникам нужны деньги. Этому нужно что-то другое.

— Что?

— Не знаю. Может, напугать. Может, свести с ума. Может, позвать. — Он пожал плечами. — Вы кому-нибудь пели эту колыбельную? Подругам, маме, на поминках, в соцсетях — где угодно?

— Нет.

— Записывали? Голосовые сообщения, видео?

— Нет. Никогда. Это было... — Она запнулась. — Это было наше.

— А он? Муж мог её кому-то спеть? Записать?

Вера открыла рот и закрыла.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Он мог. Он всё мог. Он пел, когда работал. Он пел в машине, в душе, в лифте. Он мог кому угодно её спеть.

— Значит, круг не три человека, — спокойно сказал Глеб.

— Значит, круг — все, кто был рядом с ним в Малайзии. Это уже легче.

* * *

Он записывал на жёлтый листок, мелким почерком, похожим на ряд муравьёв. Вера продиктовала даты, время, название рейса. Когда она сказала время — «три девятнадцать, оба раза», — он поднял голову.

— Оба раза ровно три девятнадцать?

— Оба раза.

— По Москве.

— По Москве.

Он развернулся к компьютеру, открыл какую-то карту часовых поясов, потом — поисковик. Набрал. Прочитал. Помолчал. Потом медленно повернулся обратно, и Вера увидела, что его светлые глаза стали ещё светлее — так бывает, когда человек бледнеет.

— Вы знаете, сколько в это время в Куала-Лумпуре?

— Плюс пять. — Она посчитала. — Восемь девятнадцать утра.

— Восемь девятнадцать утра, — повторил он. — Вера, вы читали отчёты о вашем рейсе? Технические?

— Я... — Она покачала головой. — Я не могла. Я пробовала, в первый год. Там всё про спутники, про какие-то дуги. Я не понимала, а когда начинала понимать — у меня началась паника. Я перестала.

Глеб молча повернул к ней монитор.

Это была страница из какого-то аналитического отчёта, по-английски. Таблица с временем и непонятными аббревиатурами. Последняя строка была выделена жёлтым — то ли автором отчёта, то ли поисковиком.

08:19:29 — Aircraft-initiated log-on request (partial). Final transmission.

— Последний сигнал самолёта, — тихо сказал Глеб. — Спутник принял от него последний сигнал в восемь девятнадцать по Куала-Лумпуре. Это не ответ на запрос станции, это самолёт сам попытался заново подключиться к сети. На середине связь оборвалась. По этому сигналу посчитали так называемую седьмую дугу — линию в океане, где он, скорее всего, упал. Все поиски за двенадцать лет — это поиски вдоль этой линии.

Вера смотрела на жёлтую строчку.

— Вам звонят в момент последнего сигнала, — сказал

Глеб. — Минута в минуту.

Кот под столом проснулся, потянулся, зевнул, показав розовую пасть, и ушёл в угол, к батарее.

* * *

Они долго молчали. Потом Глеб встал, похромал к чайнику, налил себе ещё плохого кофе, вернулся.

— Так, — сказал он. — Давайте я скажу, что я думаю, а вы скажете, что вы думаете, и мы посмотрим, совпадает или нет. Я думаю, что это человек. Живой. Конкретный. Который знает ваш номер, номер вашего мужа, точное время последнего сигнала, и у которого есть запись мелодии, которую ваш муж кому-то напел. Этот человек выбрал очень странный способ что-то вам сказать. Может, он сумасшедший. Может, он хочет вам навредить. А может, он не может сказать прямо. Боится. Или ему запретили.

— А что думаю я, вы не знаете.

— Не знаю, — согласился Глеб. — Скажите.

Вера посмотрела на свои руки. На безымянном пальце правой руки до сих пор было кольцо — простое, белое золото, без камня. Двенадцать лет назад она не сняла его, потому что «пропал без вести» — это не вдова. А потом не сняла, потому что привыкла.

— Я думаю, что вы правы, — сказала она. — Я знаю, что вы правы. Мой муж был инженер. Если бы он был здесь, он сказал бы то же самое. Шлюз, подмена, запись. Чудес не бывает. Я переводчик, я всю жизнь имею дело с тем, что одно

можно сказать другими словами. Я понимаю.

— Но?

— Но свекровь позавчера сказала, что он ей приснился. Стоит в воде и зовёт, а она не слышит, потому что шумит вода. — Вера подняла глаза. — Она сказала это за полдня до второго звонка. Я ей ничего не рассказывала.

Глеб ничего не ответил. Он смотрел на неё долго, и она не могла понять, что в этом взгляде, — жалость, или скука, или что-то третье.

— Я не верю в сны, — сказал он наконец. — И в звонки с того света тоже не верю. Я двенадцать лет ловил людей, которые звонят старушкам голосом их внуков. Я знаю, как это делается, до последнего винтика. Но я вам вот что скажу. Если кто-то двенадцать лет спустя знает, в какую минуту замолчал самолёт, и звонит вам в эту минуту, — значит, этот кто-то очень хорошо знает, что случилось с этим самолётом. Лучше, чем все, кто его искал. Мне это интересно.

— Сколько это будет стоить?

Он назвал сумму. Она была большая — почти два её месячных заработка. Вера кивнула.

— Хорошо.

— Это за первую неделю, — сказал Глеб. — Дальше посмотрим. Если окажется, что это пьяный сосед с программой из интернета, я верну половину.

— А если не сосед?

— Тогда половину не верну, — сказал он без улыбки. —

Тогда это будет дорого.

* * *

Он поставил ей на телефон приложение для записи разговоров, «нормальное, не китайское». Объяснил, что если звонок повторится, надо не сбрасывать как можно дольше: чем длиннее вызов, тем больше следов он оставит у оператора. Сказал, что попросит знакомых в «одной хорошей организации» поднять служебную информацию по двум входящим вызовам — через какой шлюз зашли, из какой страны.

— Это законно? — спросила Вера.

— Почти, — сказал Глеб.

У двери она обернулась.

— Можно спросить? Почему вы ушли? Из этого вашего отдела?

Он посмотрел на неё своими одолженными глазами и, кажется, впервые за весь разговор чуть-чуть улыбнулся — уголком рта, криво.

— Потому что однажды мне велели не найти одного человека. А я нашёл. — Он открыл ей дверь. — Идите, Вера. Спите сегодня. Если он позвонит — пишите. Записывайте. И не разговаривайте с ним.

— Почему?

— Потому что вы будете разговаривать с мужем, — сказал Глеб. — А это не муж.

Глава четвёртая

Семьи

Группа называлась «OP318 Families». Двести девяносто три участника. Вера вступила в неё в апреле четырнадцатого, когда её создали, и вышла в декабре шестнадцатого, когда больше не могла.

Первые месяцы в группе писали все и всё время. На китайском, на малайском, на английском, на ломаном русском — Вера тогда переводила для двух других русских семей и для украинской пары, у которой на борту летела дочь. Писали о пресс-конференциях, о встречах с министрами, о том, что сказал какой-то эксперт по CNN, о найденных в море масляных пятнах, которые потом оказывались не теми пятнами, о сигналах гидролокаторов, которые потом оказывались не теми сигналами. Писали молитвы. Писали стихи. Писали ночью: «Не могу спать. Кто-нибудь не спит?» И всегда кто-нибудь не спал.

Потом писали реже. Потом — только в годовщины. В двадцать первом какая-то женщина из Куантана написала, что её муж умер от инфаркта, так и не дождавшись, и сорок человек поставили под её сообщением одинаковый смайлик — сложенные ладони. Вера тогда не видела этого: она уже вышла. Она прочитала об этом много позже, когда однажды ночью зашла в группу через чужой аккаунт посмотреть, жива

ли она ещё.

Группа была жива. Тихо, как живёт старый дом, в котором остались одни старики.

Теперь, в половине первого ночи, на кухне, с остывшим чаем, Вера снова нажала «вступить». Через минуту пришло автоматическое приветствие от администратора — Вера помнила его, это был малайзиец по имени Хайруль, у которого на борту летел брат, — и следом личное сообщение от него же:

«Вера! Это правда вы? Двенадцать лет! Как вы?»

Она не знала, что ответить, и ответила: «Нормально. Спасибо, Хайруль. Я просто хотела быть здесь, когда закончили поиск». Это было почти правдой.

Последние сообщения в группе были за прошлую неделю. Новость об окончании экспедиции. Под ней — сто с лишним комментариев: гнев, слёзы, требования к правительству, ссылки на петиции. Кто-то писал, что надо собирать деньги на свою экспедицию. Кто-то отвечал, что за двенадцать лет все поняли, что никакие деньги не помогут. Кто-то просто ставил сложенные ладони.

Вера долго сидела над пустым полем для сообщения.

Глеб сказал: не разговаривайте с ним. Глеб сказал: это человек, живой, конкретный. Глеб сказал: мне это интересно. Глеб ничего не сказал про то, что ей делать в группе с двумястами девяноста тремя участниками. Она решила сама.

Она написала по-английски, коротко и нейтрально, так,

чтобы человек, не понимающий, о чём речь, прошёл мимо:
«Вопрос ко всем. После 8 марта кому-нибудь приходили странные звонки? Ночью, с номера вашего близкого? Если да, напишите мне в личные сообщения. Пожалуйста».

Перевела на китайский. Перевела на малайский — через переводчик, с ошибками, но понятно. Нажала «отправить». Положила телефон экраном вниз. Пошла мыть чашку.

* * *

Первое личное сообщение пришло через сорок минут. По-китайски.

«Здравствуйте. Меня зовут Ли Мэй. Мой сын Чэнь Юй летел на этом рейсе. Ему было двадцать четыре года. Вы спрашиваете про звонки. Мне звонили. Два раза. С номера сына. Я никому не говорила, потому что мне не поверят. Можно я вам позвоню? Я не могу писать, у меня дрожат руки».

Вера посмотрела на часы. Без двадцати два. В Пекине — без двадцати семь утра.

Она написала: «Звоните».

Голос у Ли Мэй был высокий, мягкий, очень правильный — голос учительницы, которая всю жизнь учила детей и привыкла, что каждое слово должно быть слышно на последней парте. Она говорила на чистом путунхуа, с лёгким пекинским «эр» на концах слов, и Вера, которая переводила с китайского пятнадцать лет и до сих пор иногда спотыкалась на южных диалектах, понимала её без малейшего усилия.

— Вы говорите по-китайски, — удивилась Ли Мэй.

— Я переводчик.

— Как хорошо. — В голосе её было облегчение, как будто ей разрешили снять тяжёлый рюкзак. — Как хорошо, что не надо через телефон переводить. Я так устала от машин, которые переводят.

Ли Мэй рассказала. Первый звонок был в ночь на девятое марта — у неё было восемь девятнадцать утра, она уже встала, поливала цветы. Телефон зазвонил, на экране было написано «Сяо Юй» — так она записала сына, «маленький Юй», хотя он был выше её на две головы. Она уронила лейку. Она взяла трубку. Там был шум. Как море. Она кричала в трубку его имя, а там было только море.

— Сколько это длилось? — спросила Вера.

— Не знаю. Минуту. Может, меньше. Потом тишина. Я перезвонила — «абонент вне сети». Я двенадцать лет плачу за его номер. Каждый месяц. Мне говорили: зачем, Ли Мэй, зачем? А я плачу.

Вера закрыла глаза.

— А второй раз?

— Второй раз — позавчера. Опять в восемь девятнадцать. Я уже не спала, я ждала. Я села на пол в коридоре, потому что ноги не держали. И я слушала. И там... — Она замолчала.

— Что там было?

— Там кто-то пел, — сказала Ли Мэй. — Очень тихо. Очень далеко. Без слов. Мужской голос. Это не был мой сын. Мой сын не умел петь, совсем, у него не было слуха, я учи-

тельница музыки, я знаю. Это был чужой голос. И чужая песня. Не китайская. Я никогда её не слышала. — Пауза. — Вы знаете, что это за песня?

У Веры перехватило горло. Она сжала телефон.

— Знаю, — сказала она. — Её пел мой муж.

На том конце долго молчали. Потом Ли Мэй сказала очень тихо, почти шёпотом, как говорят в храме:

— Значит, они там вместе.

* * *

Второе сообщение пришло под утро, по-английски, от человека с фотографией бородатого мужчины на лодке и большой лохматой собаки.

«Здравствуйте, Вера. Меня зовут Дэниел Прайс. Я из Фримантла, Западная Австралия. Моя жена Сара была бортпроводницей на ОР318. Я видел ваше сообщение. Да, мне звонили. С телефона Сары. В 08:19 по Куала-Лумпуру — у меня это 08:19 по Перту, у нас одинаковое время. Дважды. Шум, похожий на океан. Во второй раз — мужской голос, который что-то напевал. Я думал, что схожу с ума. Мне пятьдесят шесть, у меня было двенадцать лет на то, чтобы сойти с ума, и я решил, что этот момент наступил. Потом я увидел ваше сообщение. Кажется, я ещё не сошёл с ума. Или мы сходим вместе.

Хочу сказать ещё одну вещь, потому что она важная. С 2014 по 2017 год я работал на подводных поисках. Я гидрограф, двадцать лет в ВМС, после отставки работал по кон-

тракту. Я составлял батиметрические карты района поиска — карты морского дна. Я знаю, что такое 08:19. Я знаю это лучше, чем свой день рождения. Кто бы ни звонил, он тоже знает.

Можем поговорить, когда вам удобно. Простите за длинное письмо. Сара всегда говорила, что я пишу как отчёт.

Дэниел».

Вера перечитала письмо три раза. Потом переслала его Глебу вместе с кратким пересказом разговора с Ли Мэй. Было шесть утра. Она не ждала ответа.

Ответ пришёл через четыре минуты.

«Не спите?» — написал Глеб.

«А вы?»

«Я никогда не сплю. Это профессиональное. Сейчас приеду. У меня новости тоже».

* * *

Он пришёл в семь, с двумя стаканами кофе из сетевой кофейни — «потому что ваш, наверное, ещё хуже моего», — и с ноутбуком под мышкой. На кухне сразу стало тесно: Глеб был слишком длинный для её кухни, его колени упирались в ножку стола, и он сидел боком, вытянув больную ногу в коридор.

— Значит, трое, — сказал он. — Вы, китаянка, австралиец.

— Ли Мэй. И Дэниел.

— Ли Мэй и Дэниел. — Он записал на очередном жёлтом

листке. — Сын — пассажир, двадцать четыре года. Жена — бортпроводница. Муж — пассажир, инженер. Всем звонят в восемь девятнадцать по Куала-Лумпуру. Всем — с номера близкого. Всем — море и колыбельная вашего мужа. Сколько всего было людей на борту?

— Двести двадцать шесть.

— А звонят троим. Пока что — троим, из тех, кто откликнулся. Может, звонят и другим, но другие молчат, или не видели вашего сообщения, или не платили за номера и номера давно отданы каким-нибудь таксистам. — Он поднял глаза. — Но если звонят только троим — это очень интересно. Почему эти трое?

— Не знаю.

— Ваш муж знал бортпроводницу? Или этого китайского мальчика?

— Нет. Не думаю. Он бы рассказал. — Она запнулась. — Он всегда всё рассказывал. Потом.

Глеб посмотрел на неё внимательно, но ничего не сказал.

— Теперь мои новости. — Он открыл ноутбук. — Знакомые подняли данные по вашим двум входящим. Оба вызова пришли к нашему оператору через международный транзит. Из Сингапура. Там есть небольшой провайдер интернет-телефонии — ничего особенного, таких сотни, продают дешёвые звонки, в основном гастарбайтерам, которые звонят домой. Вызов был сделан через их шлюз, номер абонента подставлен вручную. Сам звонок пришёл к провайдеру через ин-

тернет, с сервера, который они не контролируют. Это всё, что можно узнать отсюда. Чтобы узнать больше, надо идти к сингапурскому провайдеру, а сингапурский провайдер российскому частнику ничего не скажет. Он и российскому государству ничего не скажет. И правильно сделает.

— Значит, всё?

— Значит, отсюда — всё. — Глеб отхлебнул кофе. — Но есть одна вещь. Знаете, что меня удивило? Сервер, с которого делался вызов, назначил звонок на определённое время. Не человек сидел и нажимал кнопку в восемь девятнадцать. Это было расписание. Программа. Кто-то настроил автомат, который в восемь девятнадцать по Куала-Лумпуру звонит по трём номерам, подставляет три других номера и проигрывает запись. Это может быть сделано откуда угодно. И это может продолжаться, даже если человека, который это настроил, уже...

Он замолчал.

— Нет в живых, — закончила Вера.

— Например.

Она посмотрела в окно. Над Сокольниками вставало бледное мартовское солнце, и в его свете крыши были похожи на мокрый картон.

— Глеб. А почему в первый раз, восьмого, там было только море? А в следующий — уже колыбельная?

Он пожал плечами.

— Может, первый раз был проверкой. Может, второй —

продолжением. Если бы я хотел, чтобы человек поверил, что ему звонит покойник, я бы сначала дал ему послушать тишину. А потом — что-то такое, что знал только покойник. Это постепенно. Это бьёт сильнее. Это... — он искал слово, — режиссура.

— Вы сказали, этот человек не может сказать прямо.

— Я сказал «может быть».

— Тогда что он хочет сказать криво?

Глеб допил кофе, смял стаканчик и аккуратно поставил его на стол, как ставят шахматную фигуру.

— Я думаю, — сказал он медленно, — он хочет, чтобы вы трое нашли друг друга. Иначе зачем звонить именно вам троим и одной и той же песней? Чтобы, если вы встретитесь, вы поняли: вам звонил один и тот же человек. И что у вас есть что-то общее. Что-то, чего вы пока не знаете.

Вера смотрела на смятый стаканчик.

— Он своего добился, — сказала она. — Мы нашли друг друга.

— Да, — согласился Глеб. — И знаете, что меня беспокоит? Если это понимаю я, это может понять и кто-то ещё.

Глава пятая

Очень вежливые люди

Квартиру вскрыли в четверг, днём, пока Вера была на переговорах.

Переговоры были скучные: делегация из Харбина, четыре человека в одинаковых тёмных костюмах, и российский завод сельхозтехники, три человека в одинаковых серых. Три часа в переговорной на Павелецкой, минеральная вода, тарелка с печеньем, которое никто не ел, и бесконечное обсуждение гарантийных обязательств на зерноуборочные комбайны. Вера переводила, улыбалась, следила, чтобы стороны не обиделись друг на друга из-за того, что одно и то же слово по-русски звучит как требование, а по-китайски — как просьба. Это она умела лучше всего. За это ей платили.

Домой она вернулась в шестом часу. Дверь была закрыта. Ключ повернулся как обычно — два оборота, тугой щелчок. Она вошла, разулась, повесила пальто. И только потом, протягивая руку к выключателю в коридоре, остановилась.

Пахло чужим.

Не табаком, не одеколоном — просто чужим. Человеком, которого здесь не было. Так пахнет в гостиничном номере, когда ты приходишь, а горничная только что ушла.

Она включила свет.

На первый взгляд всё было на месте. Куртка на вешал-

ке. Ботинки на полке. Зеркало, на котором висела старая открытка с видом Пекина. Она прошла на кухню — чисто, чашка в сушилке, как она оставила утром. В комнату.

Ноутбука на столе не было.

Она стояла и смотрела на пустое место на столе, где лежал ноутбук. Там остался прямоугольник чистого дерева, чуть светлее, чем вокруг, — она давно не вытирала пыль. Провод зарядки по-прежнему торчал из розетки и свисал со стола, как хвост.

Потом она увидела шкаф.

Дверца антресоли была приоткрыта. Совсем чуть-чуть, на палец. Вера никогда не открывала антресоль. Двенадцать лет не открывала. Там стояла коробка.

* * *

Коробка была из-под обуви — его зимних ботинок, «Экко», сорок четвёртый размер. В апреле четырнадцатого «Ориент Пасифик» прислала ей через посольство вещи Ильи, которые остались в его съёмной квартире в Куала-Лумпуре: одежду, книги, бритву, какие-то провода, блокноты. Одежду она отдала в церковь. Книги расставила на полке. Всё остальное сложила в коробку из-под ботинок и подняла на антресоль, потому что не могла ни выбросить, ни посмотреть.

Теперь коробка стояла на полу посреди комнаты. Крышка лежала рядом.

Вера опустилась на колени.

Провода были на месте — спутанный клубок зарядок и кабелей. Бритва была на месте. Старый кнопочный телефон «Нокиа», которым Илья пользовался в командировках в Индонезии, где мобильная связь была хуже, — на месте. Коробочка с запонками, которые она подарила ему на свадьбу и которые он ни разу не надел, — на месте.

Блокнотов не было.

Их было три. Чёрные, в твёрдой обложке, «Молескин». Илья исписывал по одному в год — схемы, расчёты, телефоны, списки покупок, рисунки на полях, смешные рожицы, цитаты из фильмов. Последний, четырнадцатого года, был исписан до середины. Вера ни разу в него не заглянула. Она боялась. Ей казалось, что если она откроет блокнот, то увидит последнюю запись — и это будет последняя запись. А пока она не открыла, он ещё пишет.

Теперь их не было.

Она сидела на полу среди проводов и не могла встать.

* * *

Глеб приехал через сорок минут. Посмотрел на дверь, на замок, долго светил фонариком в замочную скважину, потом выпрямился.

— Хорошо открыли, — сказал он. — Чисто. Без царапин. Это не наркоман за телевизором. Это человек, который умеет.

— Полицию вызывать?

— Вызывайте. Обязательно. Пусть составят протокол,

пусть будет бумага. Вам скажут, что ищут, и никого не найдут. Но бумага нужна. — Он прошёл в комнату, посмотрел на коробку на полу. — Что взяли?

— Ноутбук. И три блокнота мужа.

— Деньги, украшения?

Вера покачала головой. Деньги лежали в ящике комода, сорок тысяч, отложенные на ремонт. Серьги, которые подарила мама, — в шкатулке на трюмо. Никто их не тронул.

— Ноутбук и блокноты, — повторил Глеб. — Человек пришёл за тем, что связано с вашим мужем, и за вашей перепиской. Что у вас было в ноутбуке?

— Работа. Переводы. Почта.

— Переписка с Ли Мэй и Дэниелом?

— В телефоне. Телефон был со мной.

— Хорошо, — сказал Глеб, и Вера впервые услышала, как он говорит «хорошо» не машинально, а с облегчением. — Это хорошо. Значит, про них он знает только то, что было в открытой группе. А в открытой группе вы ничего не писали, кроме вопроса.

— Кто — «он»?

Глеб не ответил. Он смотрел на коробку из-под ботинок, на клубок проводов, на старую «Нокиа».

— Они взяли блокноты, — сказал он медленно. — Двенадцать лет эти блокноты лежали у вас на антресоли, и никому не были нужны. А через две недели после того, как вам начали звонить, — понадобились. Понимаете?

— Нет.

— Звонки слышали не только вы, Вера.

* * *

Полиция приехала в девятом часу. Молодой участковый с усталым лицом записал всё в протокол, спросил про ключи, про соседей, про «может, вы сами положили ноутбук куда-нибудь и забыли», вздохнул, пообещал «отработать». Вера подписала. Глеб стоял у окна и молчал, и участковый поглядывал на него с подозрением.

Когда полиция ушла, Глеб поменял ей замок. Он привёз его с собой, в коробке, вместе с инструментами, — как будто знал. Наверное, знал. Работал быстро и молча, и только один раз, когда отвёртка сорвалась, сказал сквозь зубы что-то короткое.

— Вы останетесь? — спросила Вера, когда он закончил. Он посмотрел на неё.

— В смысле — переночевать? На кухне, на табуретках? У меня колено. — Пауза. — Если вам страшно, останусь.

— Мне не страшно.

— Врёте.

— Вру, — согласилась она. — Не надо оставаться. Новый замок же.

Он кивнул, собрал инструменты, у двери обернулся.

— Если кто-то позвонит и предложит помощь — не соглашайтесь ни на что, пока не поговорите со мной. Ладно?

— Почему кто-то должен предложить помощь?

— Потому что так всегда бывает, — сказал Глеб. — Сначала у вас что-то пропадает. А потом приходит очень вежливый человек и говорит, что может помочь.

* * *

Очень вежливый человек позвонил через два дня.

Это был обычный звонок, днём, с незнакомого московского номера. Вера сидела за новым ноутбуком — купила в рассрочку, самый дешёвый, на котором тормозил даже текстовый редактор, — и переводила договор. Она ответила, не задумываясь.

— Вера Сергеевна? Добрый день. Простите, что беспокою. Меня зовут Ричард Хоук. Я представляю международный консорциум страховщиков, который в своё время участвовал в урегулировании претензий по рейсу ОР318.

Он говорил по-русски. Чисто, правильно, почти без акцента — только немного иначе ставил ударения, слишком отчётливо, как говорят дикторы старого радио или иностранцы, которые учили язык по классической литературе. Голос был мягкий, немолодой, приятный — голос врача, который сообщает плохие новости и умеет это делать.

— Слушаю вас.

— Видите ли, в связи с завершением официальных поисков консорциум принял решение о дополнительной программе поддержки семей. Это не связано с юридическими обязательствами, вы понимаете, — это жест доброй воли. Мы встречаемся лично с каждой семьёй, которая этого захо-

чет, рассказываем об условиях. Я сейчас в Москве. Если бы вы нашли для меня полчаса, я был бы очень признателен.

Вера молчала.

— Я понимаю, — мягко сказал Хоук. — Двенадцать лет — это очень долго, и вам, должно быть, неприятно вспоминать страховщиков. Мы тогда вели себя не лучшим образом. Я лично приношу извинения. Именно поэтому я здесь. Может быть, завтра? Я остановился в «Метрополе», там внизу есть тихое кафе. В любое удобное вам время.

— Откуда у вас мой номер?

Пауза была совсем короткая — полсекунды. Потом голос, всё такой же мягкий:

— Из материалов дела. Вы были в списке ближайших родственников. Номер был указан в анкете, которую вы заполняли в две тысячи четырнадцатом году.

— Я тогда указывала другой номер.

Ещё полсекунды.

— Значит, нам помогли его найти коллеги из российской страховой компании. Простите, если это было бестактно. Я не хотел вас напугать.

— Я подумаю, — сказала Вера.

— Конечно. Я оставлю вам сообщение с контактами. И — Вера Сергеевна... — Он помолчал. — Я очень сочувствую. Я знаю, что такое терять близких. Правда.

Он повесил трубку первым. Вежливо, без щелчка.

* * *

— Иди, — сказал Глеб.

Он сидел у себя в подвале, перед тремя мониторами, на одном из которых была открыта страница с логотипом — синий меридиан, пересечённый серой стрелкой. «Meridian Risk Solutions. Singapore. Cargo security, aviation risk, crisis management».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.